

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-161-170

О.Е. Казьмина

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, (САМО)ИДЕНТИФИКАЦИЯ И СТАТИСТИКА

O.E. Kazmina

RELIGIOUS IDENTITY, (SELF-)IDENTIFICATION AND STATISTICS

Аннотация. В статье анализируются проблемы религиозной статистики, обусловленные многогранностью религиозной идентичности и гибкостью религиозной идентификации и самоидентификации. Именно с этим связаны нередко встречающиеся различия в оценочных данных о числе последователей той или иной конфессии. Универсальным и поддающимся сопоставлениям источником могли бы быть переписи населения, но далеко не во всех странах во время переписи задается вопрос о религиозной принадлежности. И даже когда в переписи имеется вопрос о религии, различия в формулировках (и различия стоящего за этими формулировками смысла) не всегда позволяют делать обоснованные сравнения. Поэтому чаще встречаются оценочные данные численности последователей конфессий на основе различных опросов. Религиозная идентичность очень многопланова и зачастую пересекается с другими видами идентичности: этнической, гражданской, локальной. Человека может связывать с определенной конфессией собственно догматическая часть, либо это может быть набор практик и действий, определяющих образ жизни или маркирующих определенные вехи жизненного цикла или моменты/периоды религиозного календаря. Наконец, связывать человека с конкретной конфессией может только чувство сопричастности, сопринадлежности на основе культурно-исторической общности. Поэтому для изучения количественных показателей религиозности удобнее оперировать процессуальными понятиями — идентификация и самоидентификация. Религиозная статистика, или религиозная демография, складывалась в 1960-е гг., т.е. в период, когда размывались привычные формы религиозности, когда религиозная динамика в разных регионах мира становилась все более различной, когда казалось,

---

Казьмина Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kazmina Olga Evgenievna, Doctor in History, Head, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

okazmina@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1708-2933

что, по крайней мере на Западе, религия сдает свои позиции. Религиозная статистика требует принятия определенной классификации. В статье рассматривается вопрос, всегда ли классификация должна базироваться только на конфессиональном принципе. Религиозная статистика — сложная и деликатная вещь, но все же она рисует некие контуры конфессиональной структуры, выявляет особенности религиозной ситуации и позволяет увидеть тенденции ее развития.

Ключевые слова: религиозная статистика, динамика религиозного состава, религиозная идентификация и самоидентификация, межденоминационные церкви, религии глобального Юга.

Abstract. The article examines the problems of religious statistics due to the multifaceted nature of religious identity and flexibility of religious identification and self-identification. This is the cause of frequent differences in the estimated data on the number of followers of a particular confession. Population censuses could be a universal and comparable source, but not all countries ask about religious affiliation in the census. And even when there is a question on religion in the census, differences in wording (and differences in the meaning behind the wording) do not always allow for valid comparisons. Therefore, it is more common to find estimates of the number of followers of denominations based on various surveys. Religious identity is very multidimensional, and it often overlaps with other types of identity: ethnic, civil, local. A person can be associated with a certain faith by accepting the dogmatics, or it can be a set of practices and actions that define a way of life or certain milestones of the life cycle or moments/periods of the religious calendar. Finally, the very feeling of belonging to cultural and historic tradition can bind a person to a particular faith. Therefore, in order to study quantitative indicators of religiosity, it is more convenient to operate with the procedural concepts of identification and self-identification. Religious statistics, or religious demography, was developed in the 1960s, i.e. in the period when the traditional forms of religiosity were being eroded, when religious dynamics in different regions of the world were becoming more and more different, when it seemed that, at least in the West, religion was losing its position. Religious statistics require the adoption of some form of categorization. This article examines whether classification should always be based on denominational principle alone. Religious statistics is a complex and delicate instrument, but nevertheless it draws some contours of religious structure, reveals the peculiarities of the religious situation and allows us to see the trends of its development.

Keywords: religious statistics, dynamics of religious composition, religious identification and self-identification, interdenominational churches, religions of the Global South.

* * *

Часто приходится сталкиваться с различающимися данными о числе последователей той или иной религиозной организации. Чем бывает обусловлен такой разнობой? И на чем основываются подсчеты? Как вообще следует относиться к религиозной статистике

и какие данные можно считать наиболее надежными? Что делает сведения по разным регионам сопоставимыми?

Казалось бы, самым универсальным источником должны быть переписи населения. Однако далеко не во всех странах во время переписи задается вопрос о религиозной принадлежности, хотя в последние десятилетия в переписи многих стран мира был включен этот вопрос, в частности — большинства стран постсоветского пространства. В России ни в одной из переписей, проведенных в ХХI в., этого вопроса не было. Впрочем, даже когда в переписи имеется вопрос о религии, различия в формулировках (и различия стоящего за этими формулировками смысла) не всегда позволяют делать обоснованные сравнения (взять хотя бы сущностно разную постановку вопросов о религии во всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и в переписи населения СССР 1937 г.¹). Чаще же даются оценочные данные численности последователей конфессий на основе различных опросов.

Причиной встречающихся различий оценок численности последователей одной и той же конфессии или религиозной организации зачастую оказываются разные подходы: считают ли тех, кто значится членами религиозной организации, или тех, кто соблюдает и практикует, или тех, кто себя причисляет, заявляет о своей принадлежности. Принимается ли религиозная идентичность человека так, как она им осознается либо декларируется, или оценивается его прилежание в религиозных практиках и сила его веры? И можно ли это «объективно» оценить? Комментируя подобные попытки, Святейший Патриарх Алексий II в одном из своих выступлений, напомнив слова из Нового Завета, сказал: «Обоснованно судить о вере людей можно только на основе подлинного знания их сердца, Сердцеведец же один только Господь (Деян. 1.24)»².

Действительно, религиозная идентичность очень многопланова и зачастую пересекается с другими видами идентичности: этнической, гражданской, локальной. Человека может связывать с определенной конфессией собственно догматическая часть (вера в определенные вероучительные положения, принятие их в том виде, как этого требует данная конфессия). Это может быть и набор определенных практик и действий, определяющих образ жизни или маркирующих определенные вехи жизненного цикла или моменты/периоды

---

¹ Подробнее см.: *Kazmina O. Religion in the Structure of Cultural Identities in Russia // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. P. 197–204.*

² «Дом, где исцеляются сердца». Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II ответил на вопросы «Российской газеты» // Российская газета. 15.06.2005.

календаря. Подобное религиозное поведение совсем не обязательно предполагает основательное знание догматики. С.А. Токарев в ходе дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Советская этнография» в 1979–1981 гг. (весьма примечательно, что такая дискуссия, анализирующая природу религиозной самоидентификации, имела место в тот период), ответил на вопрос, обязательно ли знание догматики характерно для всех верующих. Он подчеркивал, что если вспомнить, что религии «включают в себя ... строгую догматику, разные “символы веры”, богословские учения и пр., то странно даже и подумать, что все это может требоваться от простого мирянина-“верующего”. Ведь чтобы убедиться в том, что вполне можно “иметь верования и не знать их”, достаточно произвести нехитрый эксперимент: задать прихожанину любой церкви два-три вопроса по православному катехизису. Спор решится сам собой»³. При этом С.А. Токарев не ставил под сомнение отнесение таких прихожан к категории «православные», что понятно. В советское время неверующие люди вряд ли стали бы ходить в церковь. Наконец, связывать с конкретной конфессией человека может чувство сопричастности, сопринадлежности на основе культурно-исторической общности, когда он не очень хорошо знаком с догматикой, не очень прилежно соблюдает предписания и слабо вовлечен в религиозную жизнь. Анализ многогранности религиозной идентичности дополнительно осложняется тем, что само понятие «идентичность» несет разные смыслы и неоднозначную теоретическую нагрузку⁴. Поэтому для изучения количественных показателей религиозности удобнее оперировать процессуальными понятиями «идентификация» и «самоидентификация».

Парадоксальным, а может быть, наоборот, закономерным образом религиозная статистика, или религиозная демография, как ее еще называют, складывается в период, когда размываются привычные формы религиозности, когда религиозная динамика в разных регионах мира становится разной, порой до противоположностей, когда меняются взгляды о связях религиозного и светского, когда, казалось бы, по крайней мере на Западе, религия сдает свои позиции. Эта область знания формируется в 1960-е гг., а ее основателем и, пожалуй, исследователем, внесшим наибольший вклад в ее развитие, можно считать Дэвида Барретта. До этого количественные

---

³ Токарев С.А. Еще раз о религии как о социальном явлении (ответ моим критикам) // Советская этнография. 1981. № 1. С. 55.

⁴ Краткий и весьма емкий историографический обзор понятия «идентичность» см.: Подмор К., Прайс К.М., Фадеев И.А. *Magnum ignotum*. Англиканство. Серия: Terra religiosa. Вып. 10. М., 2018. С. 7–12.

оценки принадлежности к той или иной конфессии в социологии религии базировались на данных о членстве деноминаций и касались практически лишь религиозной структуры Европы и Америки. В антропологии религии, исследовательским доменом которой был прежде всего остальной мир, количественным показателям и вовсе не уделялось внимания.

Д. Барреттом, а затем и его учениками и последователями были разработаны принципы, позволившие сопоставлять данные по разным регионам и разным религиям, а также, что бывает совсем не часто, делать надежные прогнозы динамики религиозного состава. В 1982 г. Д. Барретт издает «Всемирную христианскую энциклопедию»⁵, в 2001 г. выходит ее 2-е издание⁶, а в 2019 г., уже после смерти Д. Барретта стараниями его последователей выходит 3-е издание энциклопедии⁷. «Всемирная христианская энциклопедия» стала самым полным и авторитетным компендиумом данных о численности последователей тысяч религиозных организаций (не только христианских) и религиозной статистики по всем странам мира. В 1982 г., вскоре после выхода в свет первого издания энциклопедии, в журнале «Тайм» была опубликована статья, в которой «Всемирная христианская энциклопедия» была названа чудом из Найроби, а Д. Барретт — «Линнеем религиозной таксономии»⁸: ведь том содержал детальную информацию о религиозном составе всех стран мира, давал численность более чем 20 тысяч только христианских деноминаций, открыл миру африканские независимые церкви и представлял тенденции религиозного развития во всех регионах мира. Я узнала об этом труде, будучи студенткой, в 1980-е гг. от своего научного руководителя П.И. Пучкова, а в 1994 г. П.И. Пучков и я по приглашению Д. Барретта посетили его в Ричмонде (США) в созданном им центре, занимавшемся религиозной статистикой. Та встреча, знакомство с материалами и методиками центра в дальнейшем мне очень помогли, и когда я в составе исследовательского коллектива работала над специальным содержанием карты религий России⁹, и при работе над докторской диссертацией, и при написа-

---

⁵ World Christian Encyclopedia. A Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World, A.D. 1900–2000 / D.B. Barrett, ed. Nairobi, 1982. 1010 p.

⁶ World Christian Encyclopedia. A Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World. Vol. 1–2. 2nd ed. / D.B. Barrett, G.T. Kurian, T.M. Johnson, eds. New York, 2001. 1600 p.

⁷ World Christian Encyclopedia. 3rd ed. / T.M. Johnson, G.A. Zurlo, eds. Edinburgh, 2019. 1000 p.

⁸ Zurlo G.A. The Legacy of David B. Barrett // International Bulletin of Mission Research. 2018. Vol. 42 (1). P. 34.

⁹ Религии Российской Федерации. Карта (1: 9 000 000). М., 2004.

нии книги «Христианство в современном мире»¹⁰. Это принципы оценки численности последователей той или иной конфессии прежде всего по их самоидентификации, а не прилежанию в вере, сопоставление данных переписей (в случае, если перепись выясняет религиозный состав), социологических опросов, с одной стороны, и данных самих религиозных организаций об их членстве — с другой; рассмотрение данных о последователях религиозных организаций на фоне сведений об этно-языковом составе и с учетом культурно-исторического контекста.

Кстати, весьма любопытна и по-своему информативна в свете складывания религиозной демографии судьба Д. Барретта (1927–2011). Он, англичанин, верующий христианин, начинал свою профессиональную деятельность как авиационный инженер и в конце 1940-х — начале 1950-х годов работал над созданием сверхзвукового военного самолета, способного нести атомную бомбу. Постепенно его работа стала входить во всё большие противоречия с его религиозными убеждениями и пацифистскими взглядами. Он оставил авиацию в 1952 г. и поступил на богословский факультет Кембриджского университета. Еще до этого Д. Барретт посещал миссионерские курсы, где у него появился интерес к количественным сведениям о распространении той или иной конфессии. В 1954 г. он был рукоположен в дьяконы, а в 1955 г. в священники Церкви Англии. В 1965 г. он защитил докторскую диссертацию по религии в Колумбийском университете и полностью сосредоточился на научной работе¹¹. Уйдя из инженерии сначала в миссионерство, а потом в науку, он пытался соединить естественно-научную точность и тщательность расчетов, свойственную его прежней профессии, с религиозной верой и с системой аргументации гуманитарных наук.

На западе в конце 1950-х гг. увеличивается число атеистов и агностиков, религия постепенно вытесняется в сугубо личную сферу. В 1960-е гг. проблема секуляризации становится центральной темой социологии религии, как можно судить по работам Т. Парсонса, П. Бергера, Р. Беллы, Б. Уилсона и других исследователей¹². В Европе появляются прогнозы о закате религии и религиозности, о том, что к концу XX в. религия потеряет всякую значимость (не только

---

¹⁰ Казьмина О.Е. Христианство в современном мире. М., 2013, 2014, 2016, 2020, 2021, 2022.

¹¹ Zurlo G.A. Op. cit. P. 30–34.

¹² См., например: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1989; Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М., 2019; The Robert Bellah Reader / Ed. by R.N. Bellah, S.M. Tipton. Durham; London, 2006; Wilson B. Religion in Secular Society. London, 2016.

Н.С. Хрущев обещал в 1980 г. показать по телевизору последнего попа!), т.е. формируется концепция «секулярного XX в.». При этом европейские тенденции экстраполируются на весь мир.

А что происходит в других регионах? В мае 1957 г. Д. Барретт прибывает в Кению (значительная часть населения которой были последователями англиканства) для миссионерского служения в сельской местности в районе расселения народа луо, язык которого он интенсивно изучал в тот период. Он не видит там проявлений заката религии (кстати, позже он первым выступит с тезисом о смещении центра массы христианства с глобального Севера на глобальный Юг), напротив, оказывается свидетелем иных процессов. Осенью 1957 г. 130 кенийских англиканских конгрегаций провинции Ньянза (в которой служил Д. Барретт), совокупно составлявшие 16 тыс. членов, выходят из англиканской церкви¹³. Именно в тот период возникают африканские независимые церкви: их образовывали те, кто покидал материнские церкви разной конфессиональной принадлежности, т.е. эти независимые церкви изначально были межконфессиональными или даже внеконфессиональными. Одну из таких церквей образовали и кенийцы, отколовшиеся в 1957 г. от англиканской церкви. Кстати, в Кении раскол 1957 г. был отнюдь не первым. В 1928 г. кенийские кикуйю и лухья покинули англиканскую церковь и образовали Африканскую православную церковь, которая в 1946 г. вошла в Александрийскую православную церковь¹⁴. Возникает практически риторический вопрос: неужели кенийские англикане время от времени разочаровывались в англиканской догматике, подвергали сомнению основные англиканские вероучительные документы — «39 статей» или «Книгу общих молитв»? Кстати, в 1920-е гг. в США появляется афроамериканская православная церковь. И причина была совсем не в догматике. Аргумент принятия частью афроамериканцев православия заключался в том, что восточное христианство в отличие от западного не скомпрометировало себя пособничеством работорговле и оправданием рабства. Таким образом, вероучительная специфика конфессий отодвигалась на второй план социальными и этнокультурными факторами, и это было одним из источников тенденции межконфессиональности.

И здесь мы подходим к еще одному вопросу религиозной статистики. Группировка количественных данных неизбежно требует принятия определенной классификации. Обычно идет распределение по конфессиональному принципу. Но всегда ли классификация

---

¹³ Zurlo G.A. Op. cit. P. 32.

¹⁴ Казьмина О.Е. Христианство в современном мире. М., 2022. С. 27.

должна базироваться только на конфессиональном принципе, т.е. разбивке по конфессиональной принадлежности? Этот вопрос особенно актуализируется на фоне распространения межденаминационных церквей. Кстати, в уже упомянутой «Всемирной христианской энциклопедии», где в основном идет распределение по конфессиональному принципу, отдельной рубрикой выделяются «африканские независимые церкви», с наблюдения за возникновением которых Д. Барретт всерьез начал заниматься религиозной статистикой. Во многих солидных базах религиозной статистики при наличии группировки преимущественно по конфессиональному принципу в особую группу выделяются евангелики (evangelicals) — явно надконфессиональная группировка. В одной из таких баз объясняется, что к этой рубрике отнесено движение, преимущественно внутри протестантизма, состоящее из аффилированных членов церкви и осознающих себя евангеликами. Говорится, что для евангеликов характерна личная осознаваемая вера в Иисуса Христа (в евангелических церквях часто выражаемая принципом “born again” — заново рожденный, т.е. осознавший веру, сердцем принявший Иисуса Христа), руководство Библией как запечатленным словом Божиим, активная вовлеченность в религиозную жизнь и часто в миссионерство¹⁵. Руководствуясь таким определением, составители религиозных баз данных могут относить к евангеликам все деноминации той или иной конфессии или только часть из них.

На одной из конференций Американской академии религии мне довелось слушать доклад о современных евангеликах, автор доклада сам был членом (а может быть, и пастором) одной из евангелических деноминаций. Он предложил следующую классификацию: «Есть восточные христиане — православные, их можно назвать восточными православными (Eastern Orthodox), а нас — евангеликов — западными православными (Western Orthodox)». Я тогда спросила докладчика: как же так, у нас ведь весьма значительные догматические различия. Он ответил: да, конечно, но нас объединяет принятие традиционных христианских ценностей и общность позиций по многим социальным вопросам. Кстати, в США, особенно в Библейском поясе (охватывающем южные штаты: население здесь гораздо более религиозно, чем на севере; для Библейского пояса характерна активная вовлеченность людей как в приходскую церковную деятельность, так и в социальное служение за пределами приходов) зачастую люди выбирают приход в зависимости от степени либеральности или,

---

¹⁵ World Christian Database. — URL: www.worldchristiandatabase.org (дата обращения 10.01.2023)

наоборот, консервативности той или иной конгрегации и готовы сменить деноминацию, но ходить в церковь, позиции которой по социальным и теологическим вопросам (сексуальные отношения, брак, родительство, аборты, женское священство, степень свободы в трактовке Библии) соответствуют их представлениям. Есть и межденоминационные церкви, не ассоциирующие себя ни с одной конфессией — например, большинство мегацерквей, или сохраняющие конфессиональную аффилиацию, но межденоминационные по стилю богослужения. Сложности конфессиональной классификации можно видеть и в рубрике «Всемирной христианской энциклопедии» «Англиканы и протестанты», отражающей неоднозначный конфессиональный статус англиканства¹⁶. Все эти примеры — и это только примеры по христианской статистике — демонстрируют сложность и вариативность религиозной идентификации и самоидентификации.

Современному веку дают разные определения: «постхристианский», «постсекулярный». А что говорят цифры? По сравнению с серединой XX в. уменьшилась доля атеистов и агностиков. В 1970 г., по данным Центра исследований глобального христианства, было 4,5% атеистов и 14,7% агностиков, в 2020 г. — 1,8% атеистов и 8,9% агностиков. Христианство — по-прежнему крупнейшая мировая религия. Доля его последователей стабильна на протяжении последних 50 лет: 33,2% в 1970 г. и 33,3% в 2020 г. и в общем близка к данным на начало XX в. — 34,5%. Но произошло явное смещение этой религии с глобального Севера на глобальный Юг. В 1910 г. 80% всех христиан жили на глобальном Севере. В 2020 г. 66% христиан было сосредоточено на глобальном Юге. Вторая по численности и динамично растущая религия — ислам. В 1970 г. доля мусульман составляла 15,6%, в 2020 г. — 23,9%. Динамика всех остальных религий была различной, но больше половины населения современного мира — это либо христиане, либо мусульмане¹⁷.

На глобальном Севере и глобальном Юге наблюдаются очень разные тенденции. На глобальном Севере увеличивается религиозное многообразие, в то время как глобальный Юг становится в религиозном плане более однородным. В большинстве стран Юга растет доля либо христиан, либо мусульман. В этих различиях, безусловно,

---

¹⁶ Подробнее о конфессиональной идентификации Церкви Англии см.: *Подмор К., Прайс К.М., Фадеев И.А.* Указ. соч.

¹⁷ Christianity in its Global Context. Society, Religion and Mission. Center for the Study of Global Christianity. P. 12–14. — URL: <https://www.gordonconwell.edu/wp-content/uploads/sites/13/2019/04/2ChristianityinitsGlobalContext.pdf> (дата обращения 02.03.2023)

проявляется влияние сочетания разных факторов: неодинаковых темпов демографического перехода в разных регионах, направленности миграционных потоков, миссионерства, но это тема для отдельного рассмотрения.

Религиозная статистика — сложная и деликатная вещь, в разных источниках цифры могут различаться, но всё же они рисуют некие контуры конфессиональной структуры, выявляют особенности религиозной ситуации и позволяют увидеть тенденции ее развития.

References

Berger P. *Svyashchennaya zavesa. Elementy sotsiologicheskoy teorii religii* [The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. 208 p.

Kaz'mina O.E. *Khristianstvo v sovremennom mire. Uchebnoye posobiye* [Christianity in the Modern World. A Handbook]. Moscow: INFRA-M., 2013, 2014, 2016, 2020, 2021, 2022. 240 p.

Kazmina O. *Religion in the Structure of Cultural Identities in Russia // Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2019. N 4. P. 197–204.

Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow: Aspekt Press, 1989. 270 p.

Podmore C., Price C.M., Fadeyev I.A. *Magnum ignotum. Anglikanstvo* [Anglicanism] / Series “Terra religiosa”, issue 10. Moscow: Filin, 2018. 168 p.

The Robert Bellah Reader / Ed. by R.N. Bellah and S.M. Tipton. Durham; London: Duke University Press, 2006. 556 p.

Tokarev S.A. *Yeshche raz o religii kak o sotsial'nom yavlenii (otvet moim kritikam)* [Once Again about Religion as a Social Phenomenon (Reply to My Critics)] // *Sovetskaya etnografiya*. 1981. N 1. P. 51–65.

Wilson B. *Religion in Secular Society*. London: Watts, 2016. 368 p.

World Christian Encyclopedia / Ed. by T.M. Johnson and G.A. Zurlo. 3rd edition. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 1000 p.

World Christian Encyclopedia. A Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World / Ed. by D.B. Barrett, G.T. Kurian, T.M. Johnson. Vol. 1–2. 2nd edition. New York: Oxford University Press, 2001. 1600 p.

World Christian Encyclopedia. A Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World, A.D. 1900–2000 / Ed. by D.B. Barrett. Nairobi: Oxford University Press, 1982. 1010 p.

Zurlo G.A. *The Legacy of David B. Barrett // International Bulletin of Mission Research*. 2018. Vol. 42 (1). P. 29–39.

Поступила в редакцию
16 мая 2023 г.